

Наталья Попова

Фантом

1

— Расскажите о себе.

— Меня зовут Владислав Соколов, мне 33 года. Мои родители погибли в автокатастрофе 8 лет назад. У меня есть собственный бизнес, который переживает сейчас не лучшие времена. Кредитные обязательства не дают мне возможности продолжать полноценно работать и развиваться. Какое-то время назад я надеялся разобраться с этим, но сейчас понимаю, что избавиться от долгов просто невозможно. Я не женат. У меня нет детей. У меня есть машина, квартира в центре, коллекция глупых поступков, совершенных в юности. У меня есть девушка... Нет, пожалуй, их несколько. И каждая из них считает себя единственной. По крайней мере, я на это надеюсь. В детстве я мечтал быть космонавтом. Пожалуй, это все.

— У Вас есть хобби?

— У меня нет времени на хобби. Нет сил и желания на хобби.

— Вы страдаете какого-либо рода зависимостями?

— Красивые девушки, дорогие машины,

иногда — хороший алкоголь. Если это можно назвать зависимостями — тогда да, страдаю.

— Наркотики? Азартные игры?

— Нет. Никогда. Это саморазрушение, я считаю.

— Как Вы относитесь к сексу?

— Хмм... Достаточно откровенный вопрос, Вы не находите?

— Мы обсуждали возможность подобных вопросов.

— Да, обсуждали, согласен. Я отношусь к сексу... как бы это сказать... Очень тепло.

— Какова Ваша потребность в сексе?

— Несколько раз в день. А вообще, это зависит от темперамента моей партнерши.

— Вы вступали в гомосексуальные связи?

— Боже упаси. Нет, конечно.

— Вы причиняли кому-либо боль и страдания?

— Да. Причинял.

— Расскажите об этом.

— Я бросал любящих меня людей.

— Страдания этих людей доставляли Вам удовольствие?

— Нет.

— Что Вы чувствовали в такие моменты?

— Стыд. Жалость. Сомнения.

— Чего Вы боитесь?

— Нищеты. Одиночества.

— Вы боитесь смерти?

— Смерть — это логическое завершение всего. Я люблю, когда все логично.

— Кого Вы любите?

— У меня нет ответа на этот вопрос.

— Когда Вы плакали последний раз?

— На похоронах моих родителей.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Пожалуй, да.

— Чего Вам не хватает для абсолютного счастья?

— Денег. Любви. Признания.

— Если Вам предложат выбрать что-то одно из вышеперечисленного, что Вы выберете?

— Деньги. По крайней мере, сегодня я выбираю деньги.

— Тестирование окончено. Вы можете идти. В случае положительного результата мы свяжемся с Вами в течение недели.

— Всего доброго.

Он резко встал и стремительно вышел из холодной белоснежной комнаты, в которой, казалось, навсегда осталась часть его души, изрядно потрепанной этим странным унижительным допросом. Он шел по запыленному тротуару, сосредоточенно глядя под ноги, огонек сигареты ядовито разгорался в его руке, оставляя позади него

еле уловимый шлейф сизого табачного дыма. Множество мыслей стремительно пронеслись в его голове, словно острым лезвием разрезая его мозг на тысячи кусков, не заботясь о том, что это причиняло ему почти физическую боль. Они разбередили его старые, казалось, затянувшиеся раны. Его горе снова предстало перед ним во всем своем страшном великолепии: искореженная машина, кровь, огненный плен, в котором погибли его родители. Он чувствовал себя голым, израненным, униженным. Но у него не было другого выхода. Им нужна была его правда.

Она смотрела ему вслед сквозь замутненное городским смогом окно высокой башни ультрасовременного бизнес-центра, сверкающего миллионами зеркал. Впитавшего в себя тусклое солнце унылого мегаполиса.

— Он будет лидером проекта «Фантом». Я за него. — уверенно сказала она, повернувшись к своему собеседнику.

— Ты слишком увлечена, — усмехнулся седой мужчина в дымчатом пиджаке, задумчиво постукивая пальцами по гладкой столешнице. — Остынь и включи объективность. Он неглуп, амбициозен, энергичен. Но. Его ценности смещены в сторону материального. Его сознание непоправимо травмировано внезапной смертью родителей. Он жесток и циничен. Не способен к

состраданию. Он не видит разницы между нежностью и половым сношением. Он животное, Паулина.

— Он сильное животное, Борис, — она подалась к нему и пристально посмотрела в глаза. — Он способен вывести наш проект на новый уровень. Способен добиться многого.

— Хорошо, ты меня уговорила, — неожиданно легко согласился он. — Кто у нас есть еще?

Она раскрыла внушительную кожаную папку, которая покоилась у нее на коленях.

Пролистала испачканные жирным шрифтом страницы, разбавленные глянцевыми фотографиями многочисленных молодых людей. Калейдоскоп улыбающихся, загадочных, просящих лиц промелькнул у нее перед глазами.

— Глеб Деев, 28 лет, верстальщик в крупном издательстве. Инфантильный. Закрытый. Истероидный тип. Его отец ушел от них, когда Глебу было три года. Как следствие — эдипов комплекс в чистом виде: подсознательное сексуальное влечение к матери и враждебное отношение к отцу. Поведенческие паттерны направлены на обесценивание традиционной модели семьи. Боится близости с женщинами. Конфликтен. Не способен к компромиссу. При этом достаточно гибкий, способен быстро

адаптироваться в новых для него условиях. Последние несколько лет его мать неизлечимо больна. Он по-прежнему чувствует острую потребность в ее опеке, при этом избегает общения с ней, отторгает ее страдания и беспомощность, потому что они провоцируют в нем чувство вины. Преклонение перед больной, высохшей, грязно матерящейся женщиной с сальными волосами и непередаваемым взглядом умирающего человека для него невозможно. Он не хочет видеть ее страдания, он стремится убежать от всего этого, оставив эту чужую теперь женщину, почти старуху, на попечение врачей и сиделок. Проект «Фантом» будет для него спасением.

— Неплохо, — одобрительно произнес Борис. — Продолжай.

— Андрей Торопов, программист, 38 лет. До недавнего времени страдал алкогольной зависимостью. Под воздействием алкоголя совершал аморальные поступки. Измены, скандалы в семье. В связи с этим жена подала на развод. Для него это было ударом: семья имеет для него неоспоримую ценность. Он до сих пор любит свою жену, а дочь для него самый главный человек на свете. Безумно ее любит, балует, все разрешает. Дочь зовут Даша. Ради того, чтобы вернуть свою семью, завязал с выпивкой и взялся за ум. Забирает дочь на выходные, дарит ей дорогие подарки,

строит планы на будущее. Сейчас находится в стадии ремиссии, борется с собой, но синдром отмены все еще воздействует на его психику. Он беспокоен, раздражителен. В таком состоянии он пытается жить привычной жизнью, но получается плохо. Остро нуждается в деньгах: содержание дочери, аренда квартиры и многочисленные подношения бывшей жене в попытках ее вернуть требуют постоянных финансовых вливаний.

Елена Харитонова, 32 года, экономист. Цифры — ее истинная страсть. Многоступенчатые финансовые схемы — это ее стихия. Долго и упорно строила карьеру, и наконец, стала финансовым директором в крупной строительной фирме. Не раз спасала своего начальника от зоркого глаза прокуратуры и других силовых структур. Трудоголик, достаточно амбициозная, упертая. В разводе. Причина банальна: застала мужа с любовницей в собственной квартире. Детей у них нет: в юности она сделала аборт, который негативно сказался на ее репродуктивной функции. Неделю назад ее уволили с работы в связи с тем, что произошла смена собственников организации. Она лишилась всего, что составляло смысл ее жизни. Бывший муж живет с ней в одной квартире, постоянно провоцируя ее и выводя на эмоции. Ее психика с трудом выдерживает постоянный стресс, в котором она живет. В данный момент она

находится в депрессивном состоянии, на контакт с друзьями и родственниками не выходит.

Карина Велес, 29 лет, официантка в элитном загородном клубе. В возрасте 12 лет пережила изнасилование. Это сильно травмировало ее, долгое время она не могла разговаривать и полноценно существовать. Вытеснение пережитого развило в ней склонность к саморазрушению: сигареты, алкоголь, беспорядочные половые связи. Снимает квартиру, родителей навещает редко. Можно сказать, почти никогда. Недавно в сеть попало видео, в котором она участвует в групповом сексе. Ее лицо узнаваемо, картинка довольно компрометирующая. Видео достаточно популярно в сети, с каждым днем набирает все больше просмотров. Похоронив свое честное имя на просторах интернета, она каждый день со страхом ждет позорного увольнения с работы, которая является единственным источником ее доходов.

Пожалуй, это все.

Она мягко закрыла папку и выжидающе посмотрела на Бориса. Он молчал, задумчиво потирая подбородок.

— Сколько участников изначально планировалось на «Фантом»? — спросил он.

— Изначально планировалось семеро, но позже наши аналитики спрогнозировали определенные риски, и было принято решение

ограничить число участников до пяти.

— До пяти? Почему до пяти? На космическом корабле вместимость 6 членов экипажа, а мы опять изобретаем велосипед.

— Команда космического корабля формируется из подготовленных, уравновешенных, лично зрелых людей. А наши участники — сломленные психи, которым нечего терять. К тому же...

— Ладно, согласен, — перебил ее он, нетерпеливо махнув в воздухе кистью руки. — Насчет пула участников. Меня смущает озабоченная Карина — это раз.

— Но...

— И два: алкоголик Торопов. Слишком много пороков на один квадратный метр.

— Борис, это не должно Вас смущать: их экспрессивность будет уравновешена нейтральностью двух других участников.

— Каких именно? Чокнутого бухгалтера на грани суицида и извращенца-верстальщика? — он тяжело поднялся из глубины кожаного кресла и двинулся к ней. — У Вас был выбор из тысячи особей! — голос его нарастал, будто раскаты приближающегося грома: быстро и угрожающе. — Из тысячи! И что мы имеем в итоге? Вы хотите сказать, что именно эти, с Вашего позволения, люди, спасут человечество?

Она приблизилась к нему и враждебно посмотрела ему в глаза.

— О каком спасении ты говоришь? Это не спасение, это конец всему человечеству! — зашипела она, срываясь на крик.

Он замахнулся и ударил ее по лицу. Звук, похожий на щелчок кнута, зазвенел в пустой комнате грозным обещанием.

— Заткнись, сука. — спокойно произнес он. — То, что мы сделали, уже не изменить и ты это знаешь. Какими бы страшными ни казались тебе последствия этого эксперимента, запомни: это единственный выход. Другого выхода нет.

Она молчала, прижимая прохладную ладонь к обожженной его ударом щеке.

— Ладно, Паулина, — мягко сказал он, подходя ближе. — Забыли. Хочешь заполнить проект именно этим дерьмом, — валяй. В любом случае, у нас нет времени на рокировку.

Она кивнула и, опустив глаза, вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

2

Влад стоял на пыльной асфальтовой площадке придорожного кафе. Унылое серое утро рисовало туманные узоры на еще спящем городе. Он поднял воротник пальто и закурил очередную сигарету.

Пять часов утра. Сегодняшний день перевернет его жизнь навсегда. Уже нет времени на долгие внутренние диалоги, в лучшем случае через десять минут он погрузится в свою новую жизнь. Жизнь на проекте «Фантом». Тюрьма это или спасительный выход — он не мог решить до сих пор. Провести целый год в замкнутом пространстве с незнакомыми людьми... Пугала ли его такая перспектива? Пожалуй, да. Он не знал, кто эти люди, как сложатся их отношения, как долго они будут узнавать друг друга, и узнают ли вообще. Будут ли ссоры, конфликты, долгие разговоры? Будет ли секс, в конце концов? Предстоящее блуждание в потемках чужих запутанных мыслей, желаний и стремлений пугало его, царапало горло, заставляло потеть ладони. Хотя, если рассуждать более масштабно, мы всю свою жизнь проводим с незнакомыми людьми. Мы окружены чужими, холодными лицами. Мы думаем, что постигли их душу, а, на самом деле, не смогли поймать даже то, что плавает на поверхности их сознания. Настоящие ли их чувства? Искренние ли их улыбки? Не является ли их напускная радость тщательно запрятанной завистью? Это как с собакой, которая виляет хвостом, а в следующую секунду с рычанием вгрызается в горло. Друзья не всегда те, кого ты считаешь друзьями. Даже собственная жена — незнакомый тебе человек. Ты

не знаешь, что у нее в голове, как сильно ее раздражение по отношению к тебе, насколько она тебя ненавидит, спит ли она с соседом, предаст ли она тебя завтра или прямо сейчас. Жизнь — это лабиринт с тысячей поворотов, каждый из которых заканчивается тупиком. Так есть ли разница, какой именно поворот выбрать?

Рядом с ним притормозила машина. Большая, неповоротливая, как круизный лайнер. Черная дверца открылась с тихим щелчком и кожаное нутро автомобиля поглотило фигурку маленького сомневающегося человечка.

— Куда мы едем? — спросил Влад, устраиваясь на заднем сиденье и пытаясь разглядеть лицо водителя. Ему это не удавалось, и почему-то этот факт его сильно нервировал.

Могучие плечи и мясистый затылок водителя ответили ему тишиной. Влад понял, что вопросы задавать бессмысленно, вытянул ноги и уставился в окно на проплывающий мимо город.

В полудреме, подпитываемой урчанием мощного двигателя, Влад время от времени сверялся с пейзажем за окном. Знакомые здания сменились ухабистой дорогой, утыканной нелепыми названиями населенных пунктов. Они ехали уже несколько часов. Неожиданно машина остановилась. Водитель обернулся к нему. Красное рыхлое лицо, изъеденное следами от оспы, словно

гигантское червивое яблоко, ощерилось кривым, похожим на черную яму, ртом:

— Выходи.

Влад подчинился и вышел. Огляделся вокруг. Машина, тихо шелестя покрышками, исчезла в туманном мареве. С трех сторон его обступал торжественный лес с густыми шапками желтых листьев, и только с одной стороны змеилась неширокая проселочная дорога. Здесь вовсю царствовала осень. Прелые листья устилали землю, отдавшись во власть всепроникающего тлена. В воздухе пахло сладкой гнилью и влажной землей. Птицы молчали, словно боясь нарушить звенящую настороженную тишину. Солнца не было видно. Вместо него — скудные просветы в лоскутах темно-серого неба, нависшего над ним во всей своей неотвратимости. Влад сел на поваленное бревно и вздохнул. Погрузиться в свои мысли он не успел: из леса ему навстречу вышла девушка. Изящная фигурка, затянутая в красное полупальто, синие глаза сверкали из-под густой блестящей челки цвета воронова крыла. Худенькие гибкие пальцы неуверенно теребили маленькую сумочку. Она посмотрела на него и, ни слова не говоря, присела рядом. Его окутал аромат терпких тягуче-сладких духов.

— Карина, — сказала она, глядя перед собой.

— Влад, — в свою очередь, представился он.

Некоторое время они сидели молча. Влад заговорил первым:

— Что ты здесь делаешь?

— Жду кое-кого. А ты?

— Я тоже. Только не знаю, кого именно.

— Ты участник проекта? — она повернулась и пристально посмотрела ему в глаза.

Он кивнул. Она сидела молча, изучая свой безупречный алый маникюр. Покусывала пухлые губы, прищуривалась, словно обдумывая что-то. Наконец, она, видимо, приняла для себя какое-то решение и резко поднялась с места. Вообще, все ее движения были порывистыми, она была похожа на птицу, готовую вот-вот взмахнуть крыльями и улететь в безопасное место.

Влад продолжал сидеть неподвижно, искоса поглядывая на нее. В его вкусе. Стройная, гибкая, длинноногая. Острая дерзкая грудь вырисовывалась под тонким кашемиром. Хрупкие запястья с голубыми ручейками вен словно просили защиты и покровительства. Влажный упрямый рот скрывал в себе целую вселенную. Нежно-розовые леденцовые ушки так и хотелось лизнуть. И только глаза, беспощадные ледяные искры, на корню пресекали все романтические порывы. Хотя, лед имеет свойство таять...

— Каков дальнейший протокол действий, не знаешь? — спросил, наконец, он.

Уголок ее рта дрогнул в беззвучной усмешке. Легко пожав плечами, она не удостоила его ответом. Задвигалась, шаг за шагом, по одной ведомой ей траектории, пиная сухие осенние листья.

— Интересно, долго нам еще ждать? — она нетерпеливо повела плечом.

— Думаю, да, — ответил Влад. — Они вроде неторопливые ребята. Некуда им спешить, наверное.

Она согласно вздохнула.

— Нам тоже некуда, правда? — ему почудилась волнующая игривость в ее голосе. Он принял стойку и улыбнулся, глядя ей в глаза.

— Рядом с такой красавицей я готов быть вечно.

Улыбнулась слегка. Поправила волосы. Взмахнула ресницами.

— Кошку жалко, — вдруг сказала она, сбив его с толку.

— Какую кошку? — удивленно переспросил Влад.

— Кошку мою, Марусю. Она ведь будет скучать без меня...

Влад сочувственно промычал. Он не мог ее понять. Их странный разговор, флирт, перетекающий в заботу о кошке, не позволял ему настроиться на нужную волну.

— А по тебе кто-нибудь будет скучать? — спросила Карина, глядя ему в глаза.

— Нет, наверное, — неуверенно ответил он.

— Плохо, — вздохнув, произнесла она.

— Может, не так уж и плохо? — Влад удивился, услышав в своем голосе робкие ноты надежды.

Она молчала. Прищурившись, разглядывала верхушки беспомощно тянущихся к небу деревьев. Ее молчание рождало в нем грустное осознание собственной ненужности, внутренней пустоты. И в самом деле, никто и не заплачет по нему, никто и не вспомнит. Даже кошку не завел. Что это — беспечность молодости или боязнь ответственности? Почему он один? Мог ведь уже сойтись с какой-нибудь девушкой, жить вместе, и в горе, и в радости. Есть борщ, целовать ее по утрам. Что держит его в этом коконе одиночества и отречения от семейных уз? Состарится ведь и сдохнет в пустой, пропахшей болезнями и одиночеством, квартире. Ни жены, ни детей, только выцветшие обои на стенах. Владом овладел страх, сковавший его от живота до грудной клетки. Так он не хотел. Как угодно, только не так.

В его мысли ворвался размеренный гул мотора. Вдалеке на шоссе показался автомобиль, брат-близнец того, что привез сюда Влада. Плавно затормозив в нескольких метрах от них, автомобиль

выдавил из себя сразу двоих: молодую женщину, уже немного оплывшую, с растрепанными светлыми волосами и недовольным лицом, и высокого худощавого парня с длинными патлами и неухоженной бородой, настолько неподходящей к его вытянутому треугольному лицу, что она казалась искусственным аксессуаром, наскоро напяленным ради маскировки. На полной блондинке были натянуты джинсы и мешковатая куртка, на ногах — яркие молодежные кроссовки, и было видно, что эта одежда для нее непривычна и чужда. Бородатый молодой человек кутался в плотную серую толстовку с капюшоном и непонятной надписью, алыми буквами расплывшуюся на груди. Военные штаны на худых угловатых ногах смешно болтались, ухмыляясь оттопыренными карманами, тяжелые армейские ботинки придавали его образу необъяснимую трогательность. Влад невольно усмехнулся.

Странная пара неуверенно оглянулась и двинулась по направлению к ним. Влад смотрел на приближающиеся фигуры, искоса наблюдая за Кариной. Девушка замерла в напряженном ожидании, пряча в рукава озябшие тонкие пальцы.

Приблизившись к ним, блондинка кивнула, упорно ловя взгляды обоих.

— Доброе утро, — приветствовала она.

— Доброе, — отозвался Влад. — Какими

судьбами в наши края?

— Таковыми же, вероятно, — бросила незнакомка. В ее взгляде на него сквозило явное сомнение относительно его умственной полноценности.

— Какими такими же? — этим вопросом Влад только укрепил ее подозрения.

— Дурака-то выключи, — строго сказала она. — На этом пустыре в такую рань... Вряд ли у вас пикник.

— И то правда, — вынужден был согласиться Влад. И поспешно представился: «Владислав».

— Елена, — ответила она.

— Глеб, — ее спутник протянул Владу руку.

— Карина, — сделав шаг навстречу новым знакомым, произнесла Карина.

Какое-то время они стояли молча. Тишину нарушила Елена.

— Интересно, еще участники будут? — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Будут, — ответил Глеб. — Нас должно быть пятеро.

— Откуда ты знаешь? — быстро спросил Влад.

— Слышал на тесте, — пожал плечами он. — Так что ждем пятого. Или пятую.

Влад отошел от собравшихся в группу людей и закурил. Выдыхая дым в прозрачный осенний

воздух, он безрадостно размышлял. Мысли, тяжелые, неповоротливые, как поганые жирные мухи, наползали в его голове одна на другую, рождая смутные страхи. Его жизнь — та жизнь, которую он заслужил, со всеми ее проблемами, маленькими радостями и надеждами, уплывала от него, оставляя взамен этих странных, незнакомых ему людей и замкнутое пространство, полное загадок и тайн. Надо ли ему это все? Казалось бы, его нехитрый быт, состоявший из полусырой яичницы по утрам, пятничного фитнеса и бестолковых постановочных ток-шоу, не стоил даже мимолетных воспоминаний. Но все это оказалось так дорого ему, так близко, что терять эти лоскутки обыденной жизни оказалось очень нелегко. Но, самое печальное, ему придется подстраиваться под этих людей, ломать свою личность, уступать шаг за шагом, пока он не превратится совсем в другого человека. Стоит ли его свобода, идол, которому он так долго и самозабвенно поклонялся, сомнительного существования в компании этих чужаков?

— Сигаретки не будет? — мух в его голове спугнула подошедшая Лена.

— Держи, — он протянул ей пачку, чиркнул зажигалкой.

Она глубоко затянулась, задержав дым в легких, а после нехотя выпустила его, подняв

голову вверх. Да так и застыла, глядя в безмолвное серое небо.

Влад изучал ее, как топограф изучает незнакомую карту местности: с профессиональным интересом, от общего к частному. Молочная кожа, подпорченная серыми кругами под уставшими, беспокойными глазами цвета пожухлой травы. Бледные губы, сжатые в тонкую нить, не предполагали беззаботных улыбок. Светлые волосы нещадно трепал то и дело налетавший ветер, но это нисколько ее не беспокоило: она курила, полностью погрузившись в свои мысли, не обращая внимания на окружающий мир. Докурив сигарету, она быстро перевела взгляд на Влада. Он не успел отвернуться и смутился, как мальчишка. Она поняла его состояние и ободряюще улыбнулась. Улыбка преобразила ее лицо: глаза стали ярко-изумрудными, на щеках заиграли вкусные ямочки, кожа словно засветилась изнутри. Подобных метаморфоз Влад ранее никогда не наблюдал, отчего смутился еще больше, но, изо всех сил пытаясь это скрыть, выдавил из себя неуверенную кривую улыбку.

— Ну, что делать-то будем? — усмехаясь, спросила она.

— Ждать последнего участника, — небрежно сунув руки в карманы, ответил Влад. Под ее острым прицельным взглядом ему было не по себе.

— С чего ты взял, что пятый — это последний? Ты ему веришь, что ли? — она скосила глаза на Глеба, который сидел на покинутом ими бревне и внимательно слушал Карину. Она стояла, обхватив себя руками, спасаясь от пронизывающего холода, и что-то увлеченно рассказывала ему. Глеб сидел, облокотившись ладонями о бревно и, прищурившись, смотрел на нее снизу вверх. Почему-то эта ситуация показалась Владу неприятной и неестественной. То ли оттого, что мужчина сидел в присутствии женщины, то ли от раскрасневшихся в пылу рассказа нежных Карининых щечек.

— Не особенно, — буркнул Влад в ответ. Он был недоволен слишком живым общением Глеба с Кариной.

— Я тоже ему не верю. Станный он какой-то. Пока мы ехали, ни слова не сказал, все хмурился и молчал, а сейчас вон как распинается.

И правда, Глеб включился в беседу с Кариной: он убежденно вещал ей что-то, подойдя к ней ближе, чем следовало, касаясь ее своим костлявым плечом. Девушку это, казалось, нисколько не смущало. Она прислушивалась к его словам, внимательно следила за его тонкими змееподобными губами, то и дело выползающими из-под усов. Влад почувствовал, что его раздражает этот нелепый бородатый урод. Он как будто

наслаждался всей этой ситуацией, как будто что-то знал и насмеялся над ними.

— Может, засланный? — предположил Влад.

— Да ну, брось, — махнула она рукой. — Скорее уж, ты засланный.

Влад не успел ничего ответить. Пространство заполнил поток невесть откуда взявшегося гула: как будто рой невидимых пчел стремительно приближался к месту их дислокации.

Это был вертолет. Он появился словно из ниоткуда и навис над ними, тяжелый и неотвратимый, словно стальная глыба.

— Это за нами! — крикнула Лена и замахала руками невидимому за бликующим стеклом пилоту.

Вертолет, осторожно обойдя кудрявые кроны деревьев, начал плавное снижение на утрамбованную глинистую площадку метрах в пятидесяти от них. Осуществив посадку, пилот заглушил двигатели и вышел наружу.

Он стоял неподвижно и смотрел на них, слегка склонив голову. Надвинутое на лицо забрало шлема позволяло рассмотреть только квадратную небритую челюсть и твердо сжатые губы; огромные, как у гориллы, руки, сжимали угрожающе поблескивающий ствол автомата. Армейский камуфляж, плотно сидящий на его внушительном теле, усиливал нереальность происходящего.

В замешательстве они неподвижно застыли, ожидая от прибывшего каких-либо слов или действий. Но он молчал, все так же склонив голову и глядя на них в упор.

— Вы за нами? — наконец, решилась задать вопрос Лена.

— Фантом, — глухо произнес он в ответ.

— Это мы! — Влад поднял руку и направился навстречу пилоту.

— Стой, — предупредил он, наводя на него зияющее дуло автомата.

Влад замер на месте, не успев сделать и пары шагов.

— В чем дело? — воскликнул он, не ожидая такой очевидной и необоснованной угрозы.

— Только двое, — отчеканил пришелец, обводя их взглядом.

— В смысле — только двое? — не понял Влад.

— Полетят только двое. Решайте, кто.

— Подождите, но мы все участники проекта, — вмешалась Елена. — Мы все должны лететь с Вами.

— Правила изменились. У Вас десять минут. Через десять минут я улетаю, с вами или без вас. — он прислонился спиной к сверкающему вороному боку вертолета и потерял к ним интерес.

Влад понял, что разговор окончен и

дальнейшие попытки его продолжить чреватые непредсказуемыми последствиями.

В растерянности он отвел глаза от пилота и повернулся к остальным.

— У кого-нибудь есть контакты организаторов проекта? — спросил он, не надеясь на положительный ответ. У него самого не было никаких контактов, он не знал имен и должностей людей, которые общались с ним на протяжении всего процесса отбора.

— Нет, конечно, откуда?! — в недоумении воскликнула Карина. — Нас же предупреждали о секретности всего этого, с чего бы они нам телефоны раздавали?

— Ну, мало ли... — буркнул Влад.

— Нужно решать, — тихо сказала Лена. — И решать быстро.

Влад машинально взглянул на часы. Секундная стрелка бешено мчалась вперед.

— Может, пойти от обратного? — предложил Влад. — Среди нас есть те, кто не горит желанием участвовать в проекте?

Он посмотрел на каждого из них по очереди, ожидая ответа. И, не дождавшись, махнул рукой.

— Все ясно. Нет таких, — резюмировал он. — Ну, тогда пусть это буду я.

Карина вздрогнула и подняла на него глаза. В них стояли слезы. Или ему показалось?

— Ну вот, теперь полегче, — с улыбкой сказал Глеб. — Давайте решим, кто из нас остается. Карина?

— Мне нельзя здесь оставаться, — горько произнесла она.

— Карина, почему? — не выдержал Влад. — Оставайся, я тебе помогу. Обещаю, что ты никогда не пожалеешь о том, что осталась. Здесь жизнь, а там — всего лишь эксперимент. Все можно решить, все наладится.

Карина закрыла лицо руками и прокричала:

— Ты ничего не знаешь обо мне! Вы все, все можете остаться здесь! А я — не могу!

Она заплакала, тушь на ее щеках поползла по лицу, сплетаясь в причудливые узоры.

Лена подошла к девушке и обняла ее за плечи. Карина плакала, спрятав лицо у нее на груди. Маленькая, потерянная, как воробушек, искалеченный градом. Лена поглаживала ее по волосам, успокаивая, жалея. Слегка отстранив ее от себя, Лена произнесла:

— Карина, если для тебя это так важно, — Лена обвела взглядом присутствующих, ища поддержки. Но не нашла. И повторила: — Если для тебя это так важно — иди.

Карина высвободилась из ее рук и стремительно зашагала к вертолету. Не оглянувшись ни на кого из них. Не попрощалась. Потянула на

себя податливую дверь. И, прежде чем исчезнуть внутри машины, произнесла уверенной мантрой, стараясь не смотреть на Влада: «Мне. Нужно. Быть. Там».

— Вот и отлично, — улыбаясь, резюмировал Глеб. — Я лечу с ней, а вы остаетесь.

— Это почему же? — вскинулся Влад.

— Лена все решила сама. Приняла решение, не получив нашего согласия. — Он повернулся к ней. — Ты не можешь решать что-либо за нас. Ты должна была спросить. Плохая, непослушная девочка. Видишь, что ты натворила? Карина летит вместо тебя.

— Ты кто такой, чтобы места распределять? — Влад повысил голос. Поведение Карины сильно огорчило его, а умозаклучения этого самодовольного ублюдка почти привели в бешенство. Он с трудом держал себя в руках.

— Не надо, Влад, — Лена устало махнула рукой. — Я останусь здесь.

— Вот и чудненько, — Глеб расплылся в улыбке, не рассчитывая на такую легкую победу. — Счастливо оставаться!

— Нет, я сказал! — взревел Влад, исподлобья глядя на Глеба.

— Насрать мне на тебя и на то, что ты сказал, — процедил Глеб в ответ.

— Ты, сука, по морде давно не получал? —

Влад подскочил к нему и нанес удар кулаком в челюсть. Удар настолько молниеносный, что и сам не успел опомниться, как Глеб упал на землю.

— Влад, хватит! — в отчаянии выкрикнула Лена.

Влад уже и сам был не рад совершенному поступку. Глядя на Глеба, который со стоном поднимался, скользя по размытой дождем земле, Влад успел его даже мысленно пожалеть. Но, как только Глеб поднялся, он тут же кинулся на Влада. Влад не успел заблокировать удар в область солнечного сплетения, и острая боль пронзила его тело тысячами осколков. Он упал на четвереньки, хватая ртом воздух.

Одновременно с болью его оглушил грохот выстрела. Все замерли и сжались от неожиданности, как будто их мгновенно сковало льдом.

Влад осторожно повернул голову. Пилот стоял, широко расставив ноги, недвусмысленно наведя на них задумчивое око автомата.

— Эй! Ты что делаешь? — заорал на него Влад. — А если бы ранил кого-то?

— Мои инструкции допускают это. Я могу вас даже убить, — спокойно ответил пилот. По тону его голоса было понятно, что он не шутит.

Лена бросила испуганный взгляд на Влада. Он, пошатываясь, встал на ноги и сделал шаг

навстречу вооруженному человеку.

— Стоять, — пилот еле заметным движением переместил ствол, целясь Владу в грудь.

Влад замер и поднял обе руки вверх. Остальные последовали его примеру. Пилот удовлетворенно покачал головой.

— Ты, — он перевел прицел на Глеба, — Иди в машину.

Глеб осторожно двинулся в сторону вертолета.

— Вы оба остаетесь здесь, — сказал им пилот, для убедительности поведя в их сторону дулом автомата.

— Мы не участвуем в проекте, я правильно понимаю? — спросила Лена. Несмотря на все ее усилия, голос дрожал, а щеки залил неестественно яркий румянец.

— Вы вне игры, — отчеканил пилот и легким движением запрыгнул в кабину вертолета.

3

— Папа, мы поедem в зоопарк?

Андрей отвернул взгляд от дороги и посмотрел на нее. Она сидела, глядя на него с надеждой и обожанием. Беззаботно болтала крохотными ножками, улыбалась во весь рот, испачканный растаявшим шоколадом. Розовое

облако нарядного платья окутывало ее, делая похожей на маленькую принцессу. Его принцессу.

— Нет, Дашенька, в зоопарк не получится. Мне завтра на работу. Сейчас я отвезу тебя к маме, хорошо?

Она нахмурилась, губы задрожали от обиды и несправедливости. Надвигался шторм на только что безоблачном небе.

— По дороге мы заедем в магазин, и ты выберешь себе самую красивую куклу. Договорились? — он поспешил исправить ситуацию. Он не мог выносить ее слез, они разрывали его сердце. Он чувствовал невыносимое бремя вины. За то, что они расстались, за то, что не мог видеть ее каждый день, за упреки и манипуляции его бывшей жены, свидетелем которых всегда становилась его стремительно взрослеющая дочь.

Подумав, Даша согласно кивнула и протянула к нему свою маленькую ручку. Пухлая ладошка вмещала в себя весь мир. Он нежно сжал ее липкие от шоколада пальчики.

— Вот и отлично. Сейчас, только до мамы дозвонюсь.

— Она с ним, — буднично сообщила ему Даша. Без эмоций, ровно таким же тоном, каким бездушный автомат только что сообщил ему о недоступности абонента.

— С кем это — с ним? — он потряс головой, отгоняя морок этих страшных неотвратимых слов.

— С Костиком. Она всегда с ним, когда ты меня забираешь. Он и в гости к нам приходит часто, остается ночевать. Они с мамой играют и смеются, когда думают, что я сплю.

Правда обрушилась на него потоком ледяного дождя: это конец. Ничего больше не будет. Будет он, она, Даша — разбитые осколки его никчемной жизни. Будут одинокие дни, одуряющее похмелье, нелюбимые женщины, лживые слова, пустые обещания. И пустота. Черная, пожирающая все на своем пути. Безысходность. Отчаяние. Точка невозврата.

Андрею стало дурно. В голове застучал огромный чугунный молот, отсчитывая секунды с начала подаренной ему боли. Он вцепился в руль и сжал зубы; со стороны, наверное, он выглядел внезапно обезумевшим, подряхлевшим, непоправимо сломанным человеком.

Телефон зазвонил, грубо вытряхивая его в реальность.

Ее голос из трубки, теперь чужой и холодный: «Ты звонил мне?»

— Привет. Да, звонил. Мне завтра на работу, я Дашу привезу сейчас, ладно? — он вслушивался в свой изменившийся хриплый голос, который, казалось, тоже предал его.

— Привози, — подумав, разрешила она. — Запиши адрес.

Она встретила его в чужом доме, от нее пахло чужим мужчиной, ее тонкие руки обняли Дашу и поглотили, увлекая в незнакомое нутро слабо освещенной прихожей.

— Спасибо, что привез, — смущенный взгляд, упавшая на лоб прядь золотистых волос. Такая родная и такая далекая.

Он ничего не ответил. Он был ранен. Он терял кровь.

Шатаясь, Андрей побрел вниз по лестнице. Одиноким выстрелом хлопнула закрывающаяся дверь. Вот теперь он действительно один.

Он лежал на несвежей скомканной простыни, неподвижно уставившись в потолок. В руке безвольно болталась бутылка с остатками виски. В голове крутился бешеный калейдоскоп, состоящий из обрывков воспоминаний и рухнувших надежд.

Завтра он должен был ехать на проект, который позволит ему заработать кучу денег. И, казалось бы, именно сейчас время ставить точку в этой жизни, обнулить все, что произошло с ним и ступить на тропу неизведанного. Но апатия, овладевшая им, была похожа на каменный мешок, из которого не было выхода. Он хотел вечно лежать вот так, глядя в потолок, ни о чем не думая и ни к чему не стремясь. Зазвонил телефон. Он

отмахнулся от назойливого звука, телефон прощально пискнул и затих. Но, словно не желая сдаваться, снова завибрировал, оповещая об смс-сообщении.

«Жду тебя, приезжай», — призывно расплылось по экрану.

Катя. Страстная, жаркая девочка, с длинными стройными ногами и волшебным искусным ртом. Всегда влажная и многообещающая.

В мозгу мелькнуло острое желание. Он встал и направился в ванную. Посмотрел на себя в зеркало. Загнанный взгляд, недельная щетина, черные круги под глазами: красавчик. Усмехнулся, брызнул в лицо холодной водой.

Позвенел ключами, закрывая входную дверь и, задержавшись на мгновение, решительно ступил в приветливо распахнутые двери обшарпанного лифта.

Машина игриво моргнула фарами. Сел за руль, задумался. Здравый смысл осторожно поднял свою неокрепшую голову. Может, вернуться домой? Пьяным за руль — есть ли такая необходимость?

Экран мобильного интригующе засветился.

«Ты приедешь?»

«Да.»

Он почти приехал, ему оставалось пара километров до ее дома, но недавно прошедший

дождь расставил все по местам. Встречный свет фар ослепил его, словно яркие софиты — одинокого актера, забытого на пустой запыленной сцене, руль больно впился в грудь, и тьма поглотила его, втягивая каждую клеточку его тела в свою теплую пульсирующую пустоту.

— Это точно он?

— Да.

— Что с ним случилось?

— Черепно-мозговая травма. Кома.

— Какие прогнозы?

— Для более точной диагностики нужны дополнительные анализы. Так, навскидку, если операция пройдет успешно, — возможна стабилизация и переход в вегетативное состояние. При должном уходе можно надеяться на дальнейшее восстановление. Если поражение мозга еще серьезней, чем я предполагаю, не исключен летальный исход.

— К вечеру Вы закончите все манипуляции с ним?

— Думаю, да. После операции мы переведем его в палату интенсивной терапии, подключим искусственную вентиляцию легких и будем надеяться на чудо.

— Паулина, вечером, как только врачи закончат с ним возиться, проведешь процедуру

оцифровки.

— Но, мы не можем... Нейронные связи нарушены! Может произойти все, что угодно!

— Вот мы и посмотрим, что произойдет. Это наша работа — смотреть, что произойдет.

Он вышел из операционной, не взглянув ни на кого из присутствующих.

4

Влад и Лена остались вдвоем, окутанные аккомпанементом исчезающего вертолетного гула. Влад не мог поверить, что это произошло. Все случилось слишком быстро, и он до сих пор мысленно проигрывал эпизод за эпизодом, стараясь осознать случившееся. Он украдкой посмотрел на Лену. Она стояла, обхватив себя руками, и смотрела в застиранное осеннее небо, цепляясь взглядом за стремительно таявшую черную точку вертолета, все еще не веря в то, что произошло.

Влад легонько дотронулся до ее руки.

— Пойдем уже отсюда, — предложил он. — Вряд ли они за нами машину пришлют.

Лена горько усмехнулась.

Они побрели в сторону пустынного шоссе, надеясь, что произойдет чудо, и их подберет какой-нибудь заплутавший водитель.

Продрогшие, наполненные разочарованием,

они стояли на обочине, вглядываясь в серое полотно тянущейся к горизонту дороги. Говорить не хотелось. Влад решил, что потом спросит ее, почему она так легко отказалась от участия в проекте. Ее жизнь не так уж плоха, как ей казалось еще вчера? Или она пожалела несчастную Карину, уступив ей свое место в вертолете? Резкий свет фар вытряхнул их из ледяного оцепенения. Приземистый темно-серый автомобиль вынырнул им навстречу.

Лена быстрым движением подняла руку. Машина остановилась, водительское стекло плавно поехало вниз. За рулем сидел невзрачный маленький человечек, лицо его было безликим и смазанным, словно кто-то умело поработал над ним ластиком, стирая запоминающиеся черты.

— Вам куда, ребята? — поинтересовался он, вперив в них бездушный рыбий взгляд.

— В город нам надо, — ответил Влад. — Довезешь?

— А чего бы не довести? Садитесь! — он сделал широкий приглашающий жест.

Влад вместе с Леной забрался на заднее сиденье, и машина тронулась с места.

В дороге они молчали. Лена, задумчиво уставившись в окно, не пускала его в пространство своих переживаний, да ему это и не нужно было. Он сам пытался рассортировать атакующие его

мысли, которые, нагромождаясь одна на другую, нисколько не проясняли, а, наоборот, запутывали ситуацию. Сцена, разыгравшаяся в лесу, выбивала из колеи своей абсурдностью и несправедливостью. Вертолет, на борту которого по необъяснимым причинам оказался не он, был для него обелиском оскорбления и унижения его личности. Он с самого детства привык все планировать заранее. Привык, что ему известны его действия на ближайшие сутки: куда он пойдет, с кем встретится, что будет есть. Спонтанность он разрешал себе изредка, но и эта спонтанность была частью продуманного им сценария. Случившееся сегодня заставило его играть по кем-то придуманным правилам, перечеркивая ранее закрепленные договоренности. Он чувствовал себя изнасилованным, выпотрошенным, вывернутым наизнанку. Может, и правильно, что проект для него не состоялся. Может, и к черту его. Быть марионеткой в руках неизвестных и, скорее всего, не вполне адекватных личностей... Сомнительная перспектива. А его проблемы утрясутся. Он выпутается, он все решит. Карину жалко. Знойная девочка, судя по всему. Упустить такую — словно оцарапаться и не иметь возможности приложить бинт. Ранку жжет, разъедает образовавшуюся пустоту. Хочется ее заполнить, успокоить, убаюкать. Сожалея об ускользнувшей Карине, Влад стал погружаться в

сон. Тяжелый, сковывающий веки, почти неконтролируемый. Визг Лены вырвал его из дремотной пустоты. Накренясь, машина, как пробитая лодка, бесконтрольно неслась на встречу. Он вскочил, толкнул водителя в плечо. Водитель послушно сполз влево, запрокинув голову. Умер? Потерял сознание? Обдолбался? Влад метнулся вперед, перегнулся через сиденье, схватил бесхозную баранку руля, пытаясь вывернуть его вправо, вырваться из потока встречных машин. Трасса была не загружена, но им навстречу нет-нет да и проносились угрожающие силуэты чужих автомобилей, окутанные призрачной дымкой включенных фар. Невероятным усилием он выровнял чертову железяку. Придерживая руль, мотнул головой в сторону замершей в ступоре Лены:

— Водить умеешь? Лезь вперед!

Она шустро рванула вперед. Извиваясь, как змея, втиснулась в узкое пространство между передними сиденьями и бухнулась прямо на колени неподвижному водителю. Столкнула его стопы с педалей, прочно установив там свои. Вцепилась в обеими руками в оплетку руля. Влад выдохнул. Машина обрела равновесие и плавно поехала, словно и не кружилась в безумном вихре пару секунд назад.

— Тормози, Лен, прижмись к обочине, —

посоветовал Влад.

— Знаю! — огрызнулась она, послушно прижимаясь вправо.

Водитель был мертв. Лицо его, безмятежное и спокойное, равнодушно смотрело перед собой, застывшие в холодной неподвижности руки плетью свисали вдоль безжизненного тела.

Лена смотрела на него, прикрыв рот ладонью, словно загоняя обратно рвущийся наружу крик.

Влад прислонил пальцы к его шее, чтобы удостовериться в отсутствии пульса. Ощущение прохладной, липко-восковой кожи, было неприятным и отталкивающим. Влад обернулся и посмотрел на Лену. Она безуспешно пыталась реанимировать мобильник, который упрямо отказывался ловить сеть. Влад достал свой телефон из кармана куртки. Такая же история. Оценив навскидку эмоциональное состояние своей спутницы и признав его удовлетворительным, он сказал:

— Давай, погрузим его на заднее сиденье. Доедем до ближайшего поста, там наверняка есть телефон. Бери его за ноги и тяни на себя, плавно, без рывков.

Лена кивнула и осторожно приблизилась. Поежившись, наклонилась к водительскому сиденью и вытянула наружу нелепые, как лесные коряги, худые мужские ноги в ярких кроссовках.

Потянула на себя. Влад изнутри машины выталкивал неподатливого пассажира, обхватив его сзади руками, словно куль с картошкой. Тяжелое, неповоротливое тело, казалось, напрочь застряло в плену прокуренного салона. Влад упирался, пыхтел, глаза застилал едкий назойливый пот. Наконец, тело подалось и с глухим стуком вывалилось наружу. Затолкать его на заднее сиденье труда не составило. Влад тяжело оперся о капот, пошарил в карманах в поисках сигарет. Достал мятую пачку, закурил, все еще переводя дыхание. Лена закурила тоже. Прищурив уставшие, изможденные глаза, посмотрела на него с вопросом. Влад молча принял ее взгляд. Он не знал, что сказать. Сложившаяся ситуация угнетала его, отнимала все его силы. Вертолет, прицел автомата, неуправляемая машина, труп... Все эти события, наслаиваясь друг на друга, проносились в его голове, не сбавляя темпа, как будто кто-то насильно заставлял его смотреть жуткий обрывочный фильм. Напряжение, в котором находился Влад, изматывало настолько, что он хоть сейчас был готов упасть и провалиться в сон. Лена взяла его за руку.

— Все будет хорошо? — полувопросительно сказала она, пытаясь поймать его взгляд. Влад постарался ободряюще улыбнуться. Улыбка вышла кривой и вымученной.

— Хуже не будет точно, — с усмешкой ответил он.

Он и представить себе не мог, как ошибался.

Дорога изменила свое назначение. Пустынные поля сменились перекошенными деревенскими домиками, мимо поплыли игрушечные фигурки сельских жителей, спешащих по своим делам. Пост ДПС показался вдалеке, точно карикатурная крепость: одиноко торчащая круглая башенка с развевающимся на ветру российским триколором. Влад плавно притормозил, вписываясь в придорожный карман. В нескольких шагах от них грузный, похожий на унылого сенбернара, инспектор выяснял отношения с небритым дальнобойщиком, наполовину высунувшимся из окна видавшего виды грузовика. Влад вышел из машины, Лена выскочила следом. Они дождались, пока слуга закона завершит диалог с водителем и повернется к ним. Заметив, что на его пути к теплому тихому кабинету оказались еще двое непрошенных гостей, сенбернар нахмурился и недовольно крикнул.

— Здравствуйте, — издали поприветствовал его Влад, вежливо улыбнувшись. «А у нас в машине труп!» — мысленно продолжил он, подавляя в себе истерический смешок. Инспектор внезапно остановился, словно напоролся на невидимое препятствие. Пристально посмотрел на

них, достал рацию и приложил к губам. Пробубнив что-то нечленораздельное и внимательно выслушав ответное шипение рации, он подошел к ним и, привычно козырнув, представился:

— Старший инспектор ДПС Синицин Николай Алексеевич. Предъявите Ваши документы.

— Товарищ инспектор, тут такое дело... — начал было Влад.

Закончить фразу он не успел: из здания поста, как горох из банки, высыпались энергичные коллеги Николая Алексеевича. Их было четверо, и они бежали к ним, держа наготове табельное оружие. Пружинистые, поджарые, неподражаемо быстрые. Влад не ожидал такого приема. Руки назад, щелчок наручников, тычок в спину.

Краем глаза Влад успел заметить, что Лену постигла такая же участь.

Их бросили в пустую узкую камеру, стены которой были неаккуратно покрыты казенной зеленой краской. Холодная железная скамейка, тяжелая дверь с зарешеченным окошком, одиноко болтающаяся под потолком лампочка освещала унылую обстановку.

Влад подошел к двери и крикнул:

— Эй, командир! Что за дела?!

Никто не отозвался. Только шаркающие шаги вдалеке.

Влад стал долбить ногой в основание тяжелой

железной двери. Невообразимый грохот не остался без внимания. К двери подошел тот самый сенбернар, Алексей Николаевич.

— Тихо сидите и ждите, — сказал он не терпящим возражений тоном и для убедительности приложил палец к губам. — За Вами придут. — и скрылся в потемках узкого коридора.

Влад обессиленно опустился на скамью. Лена сидела рядом, понуро опустив голову.

— Лен, ты как, жива еще? — он тронул ее плечом.

— Вроде жива, — отозвалась она. — Только не понимаю ничего.

— Я тоже, — согласно кивнул Влад. — Давно уже не понимаю.

— Почему он умер? — видимо, этот вопрос глодал Лену все это время, не давая покоя.

— Кто его знает. Может, сердце, может, инсульт, — предположил Влад.

— Я все видела, — горячо зашептала Лена. Наклонилась к нему, чтобы он слышал каждое ее слово. — Он ехал, держал руль, а потом отпустил его. Просто перестал держать. Специально. Понимаешь?

Влад недоверчиво покосился на нее. Устала, наверное, перенервничала, вот и несет чепуху.

— Тебе показалось, такого не может быть, — спокойно возразил он.

— Не показалось мне! — она вскочила и беспокойно зашагала по комнате. Остановилась. Вцепилась во Влада глазами. — Я еще подумала... Как будто им кто-то управляет.

— Лена, хорош, — отмахнулся Влад. — Ты не могла ни о чем подумать, ты орала как резаная.

Лена хотела было возразить, но махнула рукой и отвернулась.

Влад подошел к ней, развернул к себе.

— Ну ладно, не обижайся. Умирал человек, понимаешь? Все, что угодно можно выкинуть, если чувствуешь, что тебе конец.

— Да, наверное, ты прав... — с сомнением произнесла она, все еще копаясь в своих мыслях.

Лязгнул замок на двери, и в проеме показался их старый знакомый — инспектор Сеницын.

— Пройдемте, — пригласил он, указывая на дверь. Влад пропустил Лену вперед, и они последовали за инспектором. Он завел их в кабинет, гораздо более просторный, квадратной формы, со светлыми стенами и высокими потолками. Яркий солнечный свет отчаянно бился в окно. После полумрака заключения, это было пыткой для уставших раздраженных глаз. Сквозь прищуренные веки Влад огляделся вокруг.

Напротив двери стоял массивный стол, за которым сидел человек. Черный костюм, неприметная внешность, острый пронизательный

взгляд, от которого становилось не по себе. Дверь позади них аккуратно притворилась, оставляя их в обществе незнакомца.

— Итак, у Вас в машине труп, — сказал человек за столом, переводя строгий взгляд со Влада на Лену и обратно.

— Да, у нас труп. — ответил Влад. — Он умер за рулем, причина нам неизвестна.

Незнакомец поморщился, словно надкусил лимон. Перегнулся через стол, чтобы быть ближе к собеседникам.

— У вас в машине БЫЛ труп, — доверительно сообщил он. — А теперь его нет.

— В смысле? — удивился Влад.

Незнакомец развел руками.

— На вашем месте я бы не ждал объяснений. Просто примите это как данность. Как маленький подарок судьбы. — он сделал большой глоток воды из помутневшего от времени стакана и продолжил, понизив голос: — Эта машина принадлежит вам. Документы — вот они, на столе, ключи в замке зажигания. Вы свободны и можете ехать, куда вам заблагорассудится. Прямо сейчас.

Влад напряженно размышлял.

— А потом Вы повесите на нас убийство, да? — глухим сдавленным голосом спросил он.

— Если бы я хотел это сделать, я бы с вами сейчас не разговаривал. Вы согласны?

— Более правдоподобно отпустить нас, а потом поймать по горячим следам. Преступники же не приходят сами, преступников обычно ловят.

— Преступникам не дарят машины, — возразил незнакомец. Придвинул ноутбук на край стола. — Вы можете пробить машину по базе и убедиться, что владелец — Вы.

Влад начал выходить из себя. Все эти непонятные ребусы, странные, почти мистические обстоятельства достигли своей критической массы, и он взорвался. Он наклонился через стол к незнакомцу и заорал ему в лицо:

— Хватит! Наигрался я уже! Оформляйте все как положено, мне нечего бояться! Я устал от всех этих фокусов! — он смел со стола глянцевую кучку документов на машину и швырнул их на пол. Документы, словно карты для партии в покер, послушно улеглись на ковровом покрытии.

Незнакомец молчал, ожидая, пока затихнет затеянная Владом буря. Наконец, воцарилась тишина. Влад стоял, скрестив руки на груди, раздувая ноздри в попытке успокоиться и продолжить диалог. Лена не сводила глаз с человека, сидящего за столом. Она ждала следующего хода. Но он молчал. Молчал и постукивал пальцами по столешнице, раздражая и без того взвинченного Влада.

— Послушайте, мы не хотим все так

оставлять, — она не выдержала и вмешалась в ситуацию. — Давайте все сделаем по закону. Это несчастный случай. Мы...

— Нет, это вы меня послушайте, — в голосе незнакомца появилась нескрываемая угроза. — Этот мертвый человек — опасный преступник, который бежал из тюрьмы. И благодаря вам он обнаружен. Может, Вы хотите медаль за это получить? Я бы на вашем месте предпочел это скрыть, потому что у этого преступника много друзей, и они непременно захотят познакомиться с вами поближе. — он вытащил из нагрудного кармана бордовую корочку и вперил ее в изумленные лица Влада и Лены. — Полковник ФСБ Петов Александр Михайлович. Не хотелось до этого доводить, но, раз так случилось, рад знакомству. — в стальных глазах сверкнула искра лукавства.

Влад отказывался верить в происходящее. Но факты упрямо заставляли его это сделать. Он наклонился, собрал разбросанные по полу документы, скользнул по ним взглядом: «Соколов Владислав Андреевич». Выдохнул. Молча вышел за дверь. Побрел по коридору, разглядывая информационные стенды. На одном из них он увидел фотографию того самого человека, который чуть не отправил их на тот свет, скончавшись за рулем автомобиля. «Разыскивается...особо

опасен...вооружен...». Влад перебирал историю с трупом у себя в голове, просеивал каждую деталь, пытаясь найти подвох: что-то в ней было не так, что-то не давало ему покоя. Казалось, зацепись он за одну тоненькую ниточку, потяни, и раскрутится этот грязный засаленный клубок, и вывалится наружу иная, подгнившая, залежавшаяся правда. Но ни одна ниточка пока не торчала наружу, все было гладко и логично. Пока... Он был почти уверен, что со временем его мозг обработает каждую запятую в этой истории и выдаст все-таки парочку умозаключений в пользу иной версии происходящего.

Его догнала Лена. Они вышли из здания и, не сговариваясь, закурили. Не проронив ни слова, они стояли, старательно обходя взглядом темный силуэт машины, которая чуть не стала их могилой. Но взгляд упрямо натыкался на нее, как будто она была каким-то потусторонним магнитом, притягательным и в то же время опасным. Одним щелчком Влад бросил окурочек в урну и направился к машине. Открыл водительскую дверь и заглянул внутрь салона. Ключи приветливо поблескивали в замке зажигания. На приборной панели резвились солнечные блики. На заднем сиденье никого не было.

Глебу с Кариной временно предоставили вполне комфортный номер в пригородном санатории. Им предстояло провести здесь ночь, а утром их доставят в штаб для подготовки и инструктажа относительно проживания в бункере.

Номер был похож на каюту роскошного корабля. Стены, обитые красным деревом, красиво отражали электрический свет, который лился из рожков огромной люстры, слегка припорошенной латунью. Две просторные кровати в центре комнаты, похожие на пушистые облака, манили в плен своего покоя и свежести. Картины с яркими, продуманными мазками модных художников, благосклонно принимали восторг постояльцев. Карина нетерпеливо направилась в ванную: ей хотелось смыть с себя волнения сегодняшнего дня, успокоиться, настроиться на щедро предоставленный им отдых. Глеб развалился на кровати, закинул руки за голову, обнажая неухоженные волосатые подмышки.

Карина стояла под упругими горячими струями, и испытывала почти чувственное наслаждение. Она с ожесточением терла порозовевшее тело обжигающей массажной губкой, щедро сдобренной ароматной воздушной пеной. Она любила быть *чистой*. Если она по каким-то причинам лишалась утреннего ли вечернего душа,

ее одолевало сильное беспокойство. Она чувствовала свою грязную, липкую кожу, исходящий от нее смрад, она ненавидела свои алчные поры, жадно впитавшие в себя пыль, грязь, сигаретный дым, запахи готовящейся еды, скверную вонь чужих тел. Она знала, что это ненормально. Но по другому она жить не могла. Чистое, благоухающее тело, гладкое, поскрипывающее, нетронутое внешней средой, было для нее залогом душевного равновесия.

Радостная, обновленная, она вышла из ванной и столкнулась с оценивающим взглядом Глеба. Она была полностью одета, но почему-то чувствовала себя обнаженной и доступной ему. Отвернулась, яростно вытирая волосы белоснежным пушистым полотенцем. Когда ткань впитала в себя всю влагу, Карина решила начать разговор.

— Почему ты взял на себя право решать, кто летит, а кто нет? — без предупреждения набросилась она на Глеба.

— Поправиться тебе надо, — помолчав, лениво ответил он. — Ни сисек, ни писек, тощая, как зубочистка.

— Не твое дело, — зло прошипела Карина. — Я задала тебе вопрос. Что, нечего ответить?

— Не вижу смысла отвечать, — равнодушно бросил Глеб. — Небо голубое, трава зеленая, на проект умчали мы с тобой. Так нужно. Это не

требует объяснений.

— Может быть, им проект нужнее, чем нам? — Карина задала этот вопрос, не совсем понимая, чего она хочет добиться. Ну, допустим, нужнее. Предположим, у них более веские причины для того, чтобы на год скрыться из поля зрения близких людей и врагов. Что это меняет? Она бы уступила Лене свое место? Вряд ли. Глеб пропустил бы вместо себя Влада? Тоже сомнительно. Так зачем ворошить этот непостижимый улей, тревожа беспокойных и жалящих пчел? Но пчелы успели все же вырваться наружу и больно ужалить ее, оставив след на нежной девичьей коже.

Глеб сказал спокойным ровным голосом:

— Тебе нужнее, Карин. Детская травма, съемки в порнухе, мелкие кражи в супермаркетах. И все это всплыло одновременно, как говно по весне. Ну надо же, какая несправедливость!

С этими словами он подмигнул ей. Грязно, двусмысленно. В нем не было ни капли сочувствия, только злорадство и удовлетворение.

6

«День первый. Этап взаимодействия — первый. Принудительный тип отношений. Стадия проверки и зависимости. Интенсивность контактов средняя. Низкий уровень коммуникации. Аттракция